

АНАЛИЗ И КОММЕНТИРОВАНИЕ РУССКИХ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК О СРЕДНЕЙ АЗИИ XVIII ВЕКА

Собиров Н.К.

ФерГУ, старший преподаватель

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается формирование жанра путевых записок о Средней Азии произошедшее в XVIII веке в русской литературе под влиянием целого комплекса факторов: политических, экономических и социальных и переход жанровых единиц в систему литературы, то есть общекультурный дискурс, обеспечивший необходимость страноведческого, а со временем – исторического, анализа и комментирования.

***Ключевые слова:** реалии, безэквивалентные лексические единицы, культурное развитие, жанровая система, этнография, ономастика.*

ABSTRACT

The article reveals the formation of the genre of travel notes about Central Asia that occurred in the 18th century in Russian literature under the influence of a whole range of factors: political, economic and social and the transition of genre units into the system of literature, that is, a general cultural discourse that ensured the need for country studies, and eventually - historical, analysis and commenting.

***Keywords:** realities, non-equivalent lexical units, cultural development, genre system, ethnography, onomastics.*

ВВЕДЕНИЕ

Путевые заметки – жанр, которые требуют комплексного комментария. Путевые заметки даже для современников представляют собой текст с большим количеством незнакомых реалий. Понимание этих реалий требует фоновых знаний.

Путевые заметки, кроме того, содержат значительное количество безэквивалентных лексических единиц, в том числе и экзотизмов, понимание которых требует лингвистического комментария.

С течением времени необходимость комментария только возрастает, поскольку к страноведческим реалиям добавляются исторические. При этом стоит учитывать факт изначально субъективной точки зрения автора, который описывает ситуацию, исходя из представлений своего времени. Один и тот же народ в разные времена называется по-разному, кроме самоназвания, употребляются русские или окказиональные этнонимы.

Необходимость в комментарии возникает в процессе адаптации путевых записок для читателя, то есть при переходе их из одной жанровой системы в другую. Дипломатические документы о Средней Азии имели функциональное значение и предназначались для конкретного круга лиц. Личные записи путешественников отображали их уровень культурного развития и социального положения. Тем не менее, возникала необходимость в публикации всех этих материалов вследствие незначительного числа непосредственных контактов со среднеазиатскими ханствами и необходимости получения достоверных сведений об этом регионе.

Так был обусловлен процесс перехода личной корреспонденции в пространство литературы. Интерес исследователей к документам определил также их существование в научном дискурсе.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Следовательно, формирование жанра путевых записок о Средней Азии произошло в XVIII веке в русской литературе под влиянием целого комплекса факторов: политических, экономических и социальных. Однако именно переход жанровых единиц в систему литературы, то есть общекультурный дискурс, обеспечил необходимость страноведческого, а со временем – исторического, анализа и комментирования.

Путевые записки – не художественное произведение с вымышленными персонажами, написанное автором для представителей общей с ним языковой культуры. Это рассказ о реальных местах и событиях, который по мере вхождения в литературное пространство приобретает компоненты художественности. Жанровое своеобразие предполагает сохранение большого количества реалий, свойственных описываемой культуре.

Анализ и классификация реалий – проблема, до сих не имеющая однозначного толкования в науке. А.А. Реформатский объединил реалии на основе предметно-языковых особенностей: собственные имена; денежные единицы; названия должностей и традиционных обозначений лиц; украшения и детали одежды; блюда и напитки; обращения и титулы при именах.[1]

Особого внимания в контексте взаимодействия России и среднеазиатских ханств заслуживали общественно политические реалии: административно-территориальное устройство, детали, характеризующие деятельность органов власти и их представителей, внутривластные особенности, военные реалии. Различие в структуре общественно-политического устройства России и

среднеазиатских государств определяло восприятие этих реалий как лакунарных, безэквивалентных, требующих точного понимания и атрибуции.

Полноценный анализ путевых записок, методы которого совершенствовались с течением времени, требовал также выделения материала анализа, то есть лексики, нуждающейся в комментировании. Постепенно сложилась классификация реалий, нуждающихся в особом анализе: этнографические, географические, общественно-политические, культурно-религиозные и ономастические.

Для полноценного восприятия текста путевых записок читатель должен достичь определённого уровня историко-культурной компетенции. Для этого необходимо, прежде всего, увеличить объём информации о месте, которое описывается в путевых записках, его истории, современном состоянии, культуре и обычаях народа.

Понимание текста путевых записок современным русским читателем предполагает наличие у него достаточных сведений о среднеазиатских ханствах XVIII века и государствах, ставших их правопреемниками, их культурных и научных достижениях, реалиях истории и современности, известных людях, положении государств в мировой политике, экономике и культуре, взаимодействии с Россией.

Итак, выделяются два необходимых элемента комментария путевых записок о Средней Азии: лингвострановедческий и биографический. С течением времени к ним добавляется третий компонент: историко-культурный комментарий.

Отдельные произведения русских путешественников о Средней Азии XVIII века были транспонированы в общедоступный дискурс спустя долгое время. Так, записки купца Данилы Рукавкина о путешествии в Хиву в 1753 году, были опубликованы в 1839 году в Журнале Министерства внутренних дел. Этот материал был снабжён пространственным комментарием С.В. Руссова. Степан Васильевич Руссов, историк и поэт, провёл глубокий анализ текста Рукавкина и счёл его достойным того, чтобы представить в качестве исторического источника и материала, который может быть использован в практике налаживания контактов со среднеазиатским регионом.

Комментарий Руссова носит научно-популярный характер и оперирует выразительными средствами художественной прозы:

«Хива в истории народов есть явление довольно редкое: она, помещаясь на малом пространстве земли, сохранила существование свое около 2300, а

одинакое название — более 2000 лет, и, что важнее, участвовала почти во всех переворотах, потрясавших три части земного шара». [2]

Руссов рассматривает историю Хивы в контексте всеобщей истории, пытаясь вписать среднеазиатское ханство в современный ему мир, культура которого опирается на опыт античности. Так, он утверждает, что хивинские жители упоминаются у Геродота под именем Хоразмиев. Ссылаясь на древнегреческого автора, Руссов отмечает онимическую реалию, которая трансформируется в переводе. Так, он отмечает, что Геродот называет реку Амударью (Аму) Акис, а в латинских переводах она именуется Ацес. Историю Геродота о насильственном изменении русла реки, повлекшим образование Аральского моря, Руссов определяет как сказку. То есть в этом тексте присутствуют элементы аналитического комментария. Автор производит попытку источниковедческого комментария:

«Oxum autem, qui Bactrianam et Sogdianam determinat, adeo navigatu commodum esse dicunt, ut transportata ab India in ipsum onera in Hircaniam facile devehantur - Из сих по наслышке Геродотом написанных слов заключают, что река Аму в его время впадала в море Каспийское». [2]

Упоминая посещение Средней Азии великими полководцами древности, Руссов приводит и различные варианты названия географических и этнографических реалий. Руссов соотносит историю Хивы с различными историческими и литературными источниками.

А также ссылается на другие произведения путевого жанра: записки Платона Карпини 1246 года: «Францисканский монах Платон Карпини, посланный от Папы к Чингисхану, но заставший на ханстве Батыя, проезжая чрез Хиву, нашёл в ней обитателей, говоривших языком Половецким, исповедовавших веру Магометанскую, и не имевших Хана, который был умерщвлен Татарами. Платон Карпини говорит, что эта земля граничит к северу с Чёрными Китанами в Малой Бухарии, на юг с Иерусалимом и Багдадом, что в Хиве господствует Шибан, брат Батыев, и есть дворец ханский». [2]

Таким образом автор комментария выстраивает внутрижанровые связи, включая записки Рукавкина в контекст путевых произведений о Средней Азии.

Таким образом, Руссов осознаёт потенциал произведений в сфере истории, страноведения и литературы:

«23-го числа Апреля того года, Дженкинсон (*Французский перевод Дженкинсонова дорожника в Хиву и Бухарию напечатан в 1717 году, с Амстердаме, в IV томе Путешествий на север, изданных и посвященных*

Императору Петру I Бернардом. Дорожник сей едвали был в виду у нашего историографа, упоминающего о Дженкинсоновой поездке только до Астрахани. Здесь выписываем известия Дженкинсона, только до Хивы относящиеся, и то сокращенно.), отправясь из Москвы водою, прибыл в Нижний Новгород 11-ю числа Мая». [2]

«6-го числа Августа, Дженкинсон, с двумя Англичанами, несколькими Татарами и Персами, поплыл из Астрахани, на кораблях, около залива, называемого там Синим морем (*Это название Русские приписывают морю Аральскому, о котором Дженкинсом совсем не упоминает*), и 17-го числа, потеряв из вида землю, приближался к устью великой реки Яика, потом 22-го числа — к заливу же, в который впадает большая река Эмба; направляя отсюда путь к Мангишлаку, был выкинут бурей на берег, далее одного порта к северу».[2]

Хотя текст Дженкинсона пересказывается, а не цитируется, Руссов, используя приём косвенной речи, разделяет источник и комментарии (комментарии приведены в скобках и выделены курсивом). Таким образом комментатор включает в пространство анализа весь существующий корпус текстов.

Записки Филиппа Ефремова, опубликованные в конце XVIII века как самостоятельное произведение, были настолько содержательными, что не требовали комментария. Однако при последующих публикациях следовало учитывать факт языковых изменений, в том числе орфографических.

Обращение комментаторов и аналитиков к тексту путевых произведений о Средней Азии обусловлено, прежде всего, их литературной ценностью. В настоящее время нет нужды в сведениях о составе войска бухарского и хивинского ханов, о длительности пути и опасностях, которые на этом пути подстерегают русских путешественников.

Интерес к текстам записок о Средней Азии формируется в области стремления к историческому познанию и читательской компетенции. Следовательно, востребованными остаются именно те произведения, которые могут быть отнесены к сфере художественной литературы.

В 1995 году был издан сборник «Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II», имеющий научно-популярный и просветительский характер. В нём опубликованы записки Ефремова со вступительной статьёй А.А. Вигасина. Сборник адресован, прежде всего, аудитории школьного возраста, именно на

них и ориентируется комментатор, подготавливающий читателей к восприятию специфических особенностей жанра.

Характеризуя сюжет как авантюрный, комментатор отмечает особенности текста: отражение в личных наблюдениях характера целой эпохи. Обращает внимание комментатор и на личность автора, представленную в тексте, выделяет черты характера Ефремова на основании текста записок.

Определяет и ценность текста для современников:

«В одной из рецензий на издание *Девятилетнего странствования* оно названо *первой географией Узбекистана*, в которой лаконично, но с острой наблюдательностью затрагивается почти полностью все разделы географического описания страны. Не менее существенными представляются и содержащиеся здесь исторические и этнографические сведения. Обращение к этому ценному источнику позволяет дополнить и уточнить характеристику политической ситуации в Средней Азии, отдельных сторон экономики (например, развитие шелководства), внешних особенностей быта (формы женской одежды)».[3]

Исторический анализ позволяет восстановить хронологию обстоятельств, приведших Ефремова в Бухару:

«На заставу Ф. Ефремов отправился в июне 1774 г. Сражение с пугачевцами произошло вскоре (шел сенокос — беглецы прятались под скошенной травой). Два месяца он жил у казахов в ауле, но, видимо, раньше он долгое время скитался, ибо дорога до Бухары занимает не более месяца, а между тем гнали его туда зимою, в самый мороз. Таким образом, у ходжи Гафура пленник мог оказаться в начале 1775 г., а уже весною сторожил вход в гарем аталыка Даниила. Так как посланник мулла Ир-Назар отбыл из России в самом начале 1776 г., в конце того же года он должен был прибыть в Бухару. К этому времени и может относиться эпизод с пыткой, присягой и назначением Ф. Ефремова на должность пензибаши».[3]

Комментатор считает важным отметить значение записок Ефремова для развития жанра:

«Значительно больше стало появляться сочинений о государствах зарубежной Азии в последние годы правления Екатерины II, затем при Павле I и Александре I — но это уже было позже первого издания записок Филиппа Ефремова. Назовем лишь несколько примечательных путешествий, имён и судеб. В 1793—1794 гг. в Хиве побывал майор Бланкеннагель, приглашенный для излечения больных глаз ханского родича. Он составил отчёт о том, что

видел и слышал. Вернулся в Россию Герасим Степанович Лебедев, основавший в 90-е годы в Калькутте первый бенгальский театр. Он, как и Ф. Ефремов, но уже при Александре I, служил переводчиком в Азиатском департаменте. Г. С. Лебедев опубликовал книгу о верованиях и обычаях брахманов Восточной Индии».[3]

Анализ и комментарии русских путевых записок о Средней Азии, созданных в XVIII веке, позволяет сохранить тексты произведений в литературе, проложить мостик между автором и современным читателем. Именно историко-литературный подход комментаторов позволил не только оценить содержательную сторону текста, но и воспринять их как основу литературного жанра путешествий, ориентального травелога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время эти произведения представляют собой не только исторический памятник, но и образец литературной русской речи XVIII века, сообщающей тексту образность и эстетичность.

Традиция литературно-исторического комментария позволила выявить устойчивые жанровые признаки русских путевых записок о Средней Азии: тесную связь с историческим контекстом, преемственность литературной и литературоведческой традиции, обилие реалий и экзотической лексики, значимость фигуры автора, присутствие выразительных и изобразительных средств, ориентацию на сказовую манеру. Таким образом, на примере жанра можно проследить преемственность русской литературы по отношению к древнерусской письменной традиции и способность существовать в разные периоды культурного развития.

REFERENCES

1. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М.: Просвещение, 1967. – с. 137-39.
2. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне // Журнал министерства внутренних дел, № 12. 1839 [Электронный ресурс]
3. Путешествия по Востоку: В эпоху Екатерины II : [Сборник / Введ. А. А. Вигасина]. - М. : Изд. фирма "Вост. лит." : Школа-пресс, 1995. – с. 6.